

РАВНОДУШИЕ — ВРАГ ТВОРЧЕСТВА

(Окончание. Начало на 3-й стр.).

О том же самом говорят и остальные. Все согласны с тем, что знания их отрывочны, что надо заниматься и что существующая система, или, точнее, бессистемность их не удовлетворяет. Но все это говорилось как-то равнодушно, без юношеского задора. Хорошо бы поучиться... Но ведь роли достанутся и так, без больших усилий...

К тому же и старшие товарищи, да и — что греха таить — рецензенты иной раз досрочно раздают лавровые венки. Как тут не закружиться молодой голове. «Я не могу плохо играть», — заявил однажды такой преждевременно «маститый» актер. Заявление — о многом говорящее.

Переходим к теме, которая, казалось бы, должна особенно взволновать молодежь. «Какую роль хотелось бы вам сыграть?» — спрашиваю я каждого. И каждый в ответ пожимает плечами. «Хорошую роль в хорошей молодежной пьесе», — вот единственный ответ.

Странно как-то. Неужели не горит перед этими симпатичными молодыми людьми зеленый огонек мечты? Сыграть Зою, Ульяну Громову, Жанну д'Арк, Офелию, Неги-

ну — мало ли чудесных ролей в советском и мировом репертуаре!

Еще один вопрос: какую пьесу хотели бы вы увидеть на афише своего театра? И на него нет вразумительного ответа. Единственное, что пришлось услышать, это о пьесе «Вам 22, старики!». Пьес вы что ли не читаете, друзья?

Нет, оказывается, пьесы читают. Вообще читают, как видно, немало. И всё же почему-то мало ярко выраженных пристрастий, увлеченности темой и ролью, юношеской взволнованности, наконец.

Выясняется еще одно немаловажное обстоятельство. Молодые актеры почти не видят спектаклей других театров, особенно столичных. Варятся в собственном соку плохо для любых творческих работников, а для молодежи — особенно.

И появляется самый страшный враг творчества — равнодушие. Утром репетиция, вечером — спектакль. На завтра снова репетиция и снова спектакль. И послезавтра то же самое. Раз навсегда заведенный механизм. Роли дают хорошие, нередко сверх истинных возможностей. Публика принимает неплохо. Выходит — не о чем беспокоиться,

незачем мучиться над ролью, спорить, доказывать, ломать голову, искать интонации, обжигающие сердце, с подлинной одержимостью отдавать себя сцене.

Зрители-то все равно придут на спектакль.

К сожалению, как говорилось в начале статьи, примеры такого отношения дают иной раз и актеры старшего поколения.

Не из-за этого ли безразличия и покинули театр иные девушки и юноши?

Сейчас театр получил серьезное пополнение — группу артистов из разных городов страны. Большая часть из них — молодежь, недавно закончившая театральное образование. Значит ли это, что вновь прибывшие не нуждаются в повышении своей квалификации? Нет, конечно. Народ-то, как принято говорить в артистических кругах, еще очень зеленый, необстрелянный. Работать и учиться, учиться и работать — только так подтвердят свой диплом юные выпускники театральных училищ.

Направляется вывод: театру нужна студия. Во-первых, для того, чтобы дать возможность всем молодым актерам получить или улучшить свою профессиональную подготовку. Во-вторых, чтобы пополнить ряды актеров за счет способной молодежи из кружков самодеятельности. В-третьих — и это, быть может, самое главное, — чтобы создать творческую атмосферу — атмосферу споров и дерзаний, молодой мечты и самозабвенной работы.

Итак, нужна студия. Надо отдать справедливость руководителям театра, они не раз пытались доказать, что студия действительно необходима. Но в Министерстве культуры пока не внемлют этим голосам.

А следовало бы! Ведь речь идет не о какой-то очередной организационной перестройке: можно, мол, создать новый отдел, а можно и не создавать. Рождение студии поможет не только молодежи, а всему коллективу. Запорный дух творческой

дерзости (как раз то, чего не хватает порой всему театру) скорее всего родится именно в молодежной среде.

Одной студией все вопросы, разумеется, не решишь. Не пора ли задуматься о том, что для правильного воспитания молодежи прежде всего нужна взыскательность. Преувеличение похвалы — медвежья услуга молодому таланту.

Не дожидаясь возникновения студии, можно сделать очень многое: поставить силами молодых внеплановый спектакль, жарко спорить о новых пьесах, встречаться с творческой молодежью других театров, ходить вместе на художественные выставки, поехать коллективно в Москву. Да и мало ли что еще можно придумать, когда бьется горячее сердце и не терпится дождаться до настоящего большого дела!

А главное — преодолеть равнодушие и самоуспокоенность, предъявить действительно высокие требования к молодым и немолодым, спросить с творческих работников полной мерой, без скидок.

Театр наш республиканский, единственный в Киргизии русский драматический. И открыл он двадцать восьмой свой сезон. Настало как будто время творческой зрелости. Высокая и доброжелательная требовательность к театру — вовсе не свидетельство разлада между теми, кто по эту, и теми, кто по ту сторону рампы. «Любим свой театр, но хотим, чтобы он был лучше», — говорят зрители. И они верят, что театр станет лучше.

Д. КОЧНЕВ.

ОТ РЕДАКЦИИ: Д. Кочнев в своей статье поднимает важнейший для каждого творческого коллектива вопрос — о будущем нашего искусства, о росте и совершенствовании молодых артистов. Проблема эта остро стоит не только перед Русским драматическим театром имени Крупской. Она актуальна для всех наших театров и творческих союзов. Все ли делается для воспитания молодой художественной интеллигенции в духе высоких требований Программы КПСС, исторических решений июньского Пленума ЦК КПСС? Проявляют ли творческие коллективы, их руководители, партийные, профсоюзные, комсомольские организации столь необходимые молодежи заботу о ее нуждах и высокую требовательность к молодому советскому художнику?

Мы приглашаем высказаться по затронутому вопросу деятелей театра, зрителей, читателей, всех, кто озабочен перспективами развития нашего искусства.